

Из переписки А. П. Чехова

(Нижний-Новгород,
январь 1900)

С НОВЫМ ГОДОМ!

Живу я — нелепо, как всегда, чувствую себя отчаянно взвинченным, в Ялту поеду в конце марта, в апреле, если не захвораю раньше. Ужасно хочется жить как-нибудь иначе — ярче, скорее, — главное, — скорее! Недавно видел на сцене «Дядю Ваню» — изумительно хорошо сыграно было. (Я, впрочем, не знаток игры и всегда, когда мне нравится пьеса, ее играю дивно, хорошо). Однако, этот «Дядя» имеет в самом себе силу заставлять и дурных актеров хорошо играть. Это — факт. Ибо есть пьесы, которые никак нельзя испортить игрой, и есть пьесы, которые от хорошей игры портятся. Недавно я видел «Власть тьмы» в Малом театре.

Раньше я смеялся, слушая эту вещь, и она мне даже нравилась немножко, а теперь я нахожу ее противной, карикатурной и уже никогда не пойду смотреть ее. Сему обязан — игре хороших артистов, беспощадно оттенивших в ней все грубое, нелепое. То же и в музыке: элегию Эрнста и плохой скрипач хорошо сыграет, а у виртуоза, какая-нибудь дрянная пьеса станет прямо-таки гадкой.

Читал «Даму» вашу. Знаете, что вы делаете? Убиваете реализм. И убьете вы его скоро на смерть, надолго. Эта форма отжила свое время — факт. Дальше вас никто не может идти по сей стезе, никто не может писать так просто о таких простых вещах, как вы это умеете. После самого незначительного вашего рассказа все кажется грубым, написанным не пером, а точно поленом. И, главное, все кажется не простым, т. е. не правдивым. Это — верно... Да, так вот, — реализм вы укукошите. Я этому чрезвычайно рад.

Будет уж. Ну его к чорту.

Право же настало время нужды в героическом: все хотят возбуждающего, яркого, такого, знаете, что бы не было похоже на жизнь, а было бы выше ее, лучше, красивее. Обязательно нужно, чтобы теперешняя литература немножко начала прикрашивать жизнь, и как только она это начнет, жизнь украсится, т. е. люди заживут быстрее, ярче. А теперь вы посмотрите-ка, какие у них дрянные глаза — скучные, мутные, замороженные.

Огромное вы делаете дело вашими маленькими рассказами, возбуждая в людях отвращение к этой сонной, полумертвой жизни, черт бы ее побрал. На меня эта ваша «Дама» подействовала так, что мне сейчас же захотелось изменить жене, страдать, ругаться и прочее в этом духе. Но я жене не изменил — не с кем, только вдребезги разругался с нею и с мужем ее сестры, моим закадычным приятелем. Вы, чай, такого эффекта не ожидали? А я не шучу, — так это и было. И не с одним мною бывает так, не смейтесь. Рассказы ваши изящно огранные флаконы со всеми запахами жизни в них и — уж поверьте — чуткий нос всегда поймет среди них тот тонкий, едкий и здоровый запах «настоящего», действительно-го, ценного и нужного, который всегда есть во всяком вашем флаконе. Ну, будет, однако, а то вы подумаете, что я это комплименты говорю.

Насчет отдельной книжки моих хороших рассказов — это вы великолепно удумали. Я устрою это, хотя решительно не согласен с тем, что «Спутник» — хороший рассказ. Так ли нужно было написать на эту тему. А все-таки вы мне, пожалуйста, перечислите те рассказы, которые один другого стоят: ну — «В степи», «Изергиль», «На плотках», «Спутник», а потом? «Челкаш», Хорошо. «Мальва»?

Вы относитесь ко мне очень курьезно, т. е. не курьезно, а как-то удивительно нелепо. Т. е. это не вы, должно быть, а я к вам. Престрапаное впечатление производят на меня ваши письма — не теперь, когда я ужасно развинтился, а вообще. Очень я их люблю и прочею, в том же духе. Вы простите за всю эту канитель, но дело, видите ли, в том, что всякий раз, когда я пишу вам, мне хочется наговорить вам чего-нибудь такого, от чего вам было бы и весело, и приятно, и вообще легче жилось на этой, довольно-таки дрянной земле.

За сообщение о Средне — спасибо. Он тоже — чертовски хорошая душа. Только я никак не могу понять, за что он любит Тимковского. Вот задача. Поклонитесь ему, Средне.

Да, говорят, вы женитесь на какой-то женщине-артистке с иностранной фамилией. Не верю. Но если правда, — то я рад. Это хорошо — быть женатым, если женщина не деревянная и не радикалка. Но самое лучшее — дети. Ух, какой у меня сын озорник. И очень умный — вот увидите, весной привезу его. Только научился у меня ругаться и всех ругает, а отучить я его не могу. Очень смешно, но неприятно, когда маленький, двухлетний шарлатан кричит матери во все горло:

— Сию минуту пошла прочь, анафема.

Да еще чисто так выговаривает ан-на-фе-ма.

Однако, — до свиданья.

Жму руку. «Фома» мой что-то все не выходит. Читали вы, как вас немцы хвалят? А недавно кто-то в Питере написал, что «Дядя» лучше «Чайки» б. м.? Это дело мудреное.

Пишите пожалуйста. А. ПЕШКОВ.

А. П. ЧЕХОВ и М. ГОРЬКИЙ.

Публикуемое письмо взято из переписки Чехова и Горького, охватывающей 1898—1903 г. г. Эта переписка известна читателям только с одной стороны, а именно по письмам Чехова к Горькому, опубликованным в V и VI томах «Писем» А. П. Чехова.

Письмо Горького относится к январю 1900 года. В нем, как в фокусе, отражены основные линии переписки Горького с Чеховым. Это письмо переключается не только со статей Горького («Литературные забавы», «Правда», 17-1), в которой он пишет, что «лодлинное искусство обла- дает правом преувеличе-

ния», оно переключается и с аналогичными высказываниями Горького в его ранних критических статьях, напечатанных в «Нижегородском листке» за 1899—1901 г. г. Эти же мысли повторяются и на страницах художественных произведений Горького: в рассказе «Читатель», 1898 году, Горький пишет: «Цель литературы — помогать человеку понимать себя самого, поднять его веру в себя и развить в нем стремление к истине, бороться с пошлостью в людях, умел найти хорошее в них, возбуждать в их душах стыд, гнев, мужество, делать все для того, чтобы люди ста-

ли благородно-сильными» Исключительный интерес представляют непосредственные высказывания Горького о Чехове в этом письме.

Горький внимательно следит за критической литературой о Чехове. Его не удовлетворяют статьи о Чехове Михайловского, Соловьева-Андреевича, Волынского и других, и он неоднократно говорит о своем желании написать статью о Чехове, «не потому, что я настоящую критику» создать способен, а потому, что я могу глубоко и тонко, как это понял Горький, несомненно, высказывания Горькова о Чехове представляют самую значительную самую правдивую и ценную страницу в критической литературе о Чехове.

Немногие из присяжных критиков Чехова сумели понять сложный облик писателя, его огромное значение в истории литературы, его роль в создании русского языка так глубоко и тонко, как это понял Горький, несомненно, высказывания Горькова о Чехове представляют самую значительную самую правдивую и ценную страницу в критической литературе о Чехове.

Немногие из присяжных критиков Чехова сумели понять сложный облик писателя, его огромное значение в истории литературы, его роль в создании русского языка так глубоко и тонко, как это понял Горький, несомненно, высказывания Горькова о Чехове представляют самую значительную самую правдивую и ценную страницу в критической литературе о Чехове.

Впервые публикуемые письма А. П. Чехова

23 января. Петербург. (1893)

Дорогой Георгий, я вчера был в редакции «Севера» и сказал там, чтобы продолжали высылать вам журнал и в этом году. Журнал неважный, но будут приложения — книги, которые будут не лишними в вашей домашней библиотеке. Если журнал будете получать не исправно, то пиши мне, а я от себя буду писать в Питер.

Когда мы увидимся, наконец? Я соскучился.

Завтра или послезавтра уезжаю домой, в Мелихово. Пора. Если не уеду в Чикаго, то буду жить дома безвыездно до октября.

Твою семью обнимаю и желаю ей счастья.

Будь здоров и, коли не скучно, пиши.

Твой грешный брат А. Чехов.

**

14 ноября (1899).

Милый Жорж, ты добрый и обязательный человек, не знаю, в каких словах благодарить тебя. Арбузы получены. Они очень вкусны, но еще недостаточно просолены, надо подождать есть их. Горшки, присланные тобой уже в деле. В Ялте они очень дороги и никто не верит, что они обошлись мне так дешево. Все хорошо, только вот одно дурно: это не твое дело было платить за доставку арбузов. С меня в агентстве не взяли ни копейки.

Что же прислать тебе из Ялты?

Обе телеграммы возвращаю по принадлежности. Они дают понять, что во-первых, тебя ценят, и во-вторых — твое не уйдет и ты еще сделаешь себе хорошую судьбу. Конечно, это хорошо, что ты на предложение не ответил отказом. Теперь, когда девочки подросли и Володя служит в Таганроге, ты смело можешь уехать в Петербург.

И так, в Таганроге, кроме водолазницы Гордона,

будет еще водопровод, трамвай и электрическое освещение. Боюсь, все таки, что электричество не затмит Гордона и он долго еще будет лучшим показателем таганрогской культуры, как когда то Анисим Васильевич был лучшим показателем состояния таганрогских умов или еще лучше — языков.

Читаю, что каадибище опять подчинили духовенству. Где же теперь Андрей Павлович? Кстати, поклонись ему и скажи, что обещание свое насчет книг я исполню.

Нового ничего нет, все благополучно. Мать здорова. В садах еще цветут розы.

Ну, будь здоров. Поклонись тете, сестрам, Володе, Иринушке и Марфочке.

Где Вал. Сиротин?

Если соберешься зимой в Ялту, то извести письмом, приготовлю для тебя комнату и ложе.

Твой А. Чехов.

**

22 января (Ялта, 1899 г.)

Что же ты умолк, милый Жорж? О тебе ни слуху, ни духу. Я ждал тебя в Ялту, Иван говорил, что тебя ждут в Москве. Где ты?

Если ты благополучно проживаешь в Таганроге, то будь добр, повидайся с г-жей Ген, председательницей Арт. О-ва, и попроси ее выслать мне список пьес какие у нее уже есть. Это мне нужно, чтобы не прислать в библиотеку О-ва того, что уже не нужно. Сообщи, как зовут г-жу Ген. Надо поблагодарить за избрание в почетные члены (хотя извещения об этом я не получал — кстати сообщи г-же Ген). Спроси: на чье имя высылать пьесы? Куда?

Поклон Володе, Сане и Леле, а тете Людмиле Павловне целую руку и желаю ей и всем вам здоровья и сто лет жить. Жду ответа.

Твой А. Чехов.